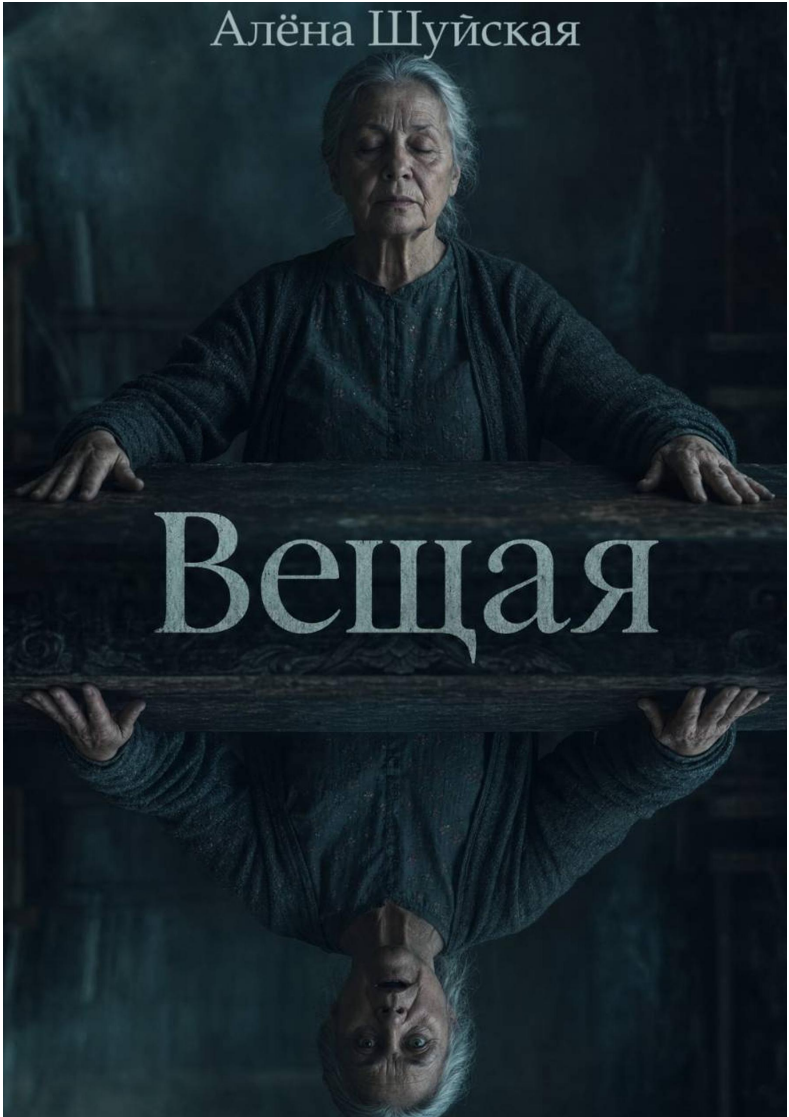
Алёна Шуйская
Вещая

Алёна Шуйская

Вещая

https://litres.ru/74708492
SelfPub; 2026

Аннотация

К бабе Тасе приезжают, когда больше не к кому обратиться. Она читает чужие мысли, видит скрытые тайны и предчувствует беду. Но даже ей известно далеко не всё.

Чужое кольцо. Три стука в пустой комнате. Письмо от мужа, умершего семь лет назад

Пять загадочных историй о людях, которые пришли за помощью. И одна тайна самой ясновидящей, которую она хранила почти тридцать лет.

Баба Тася может открыть правду. Но готовы ли вы её услышать?

Содержание

ЧУЖОЕ КОЛЬЦО 4
Глава первая. Карман 4
Глава вторая. Маленькая заколка 12
Глава третья. Дом с синей калиткой 21
Глава четвёртая. Женщина у больницы 29
Глава пятая. Обещание восьмилетней давности 37
Глава шестая. Две матери 46
Глава седьмая. Не для чужих 56
Глава восьмая. Свои места 64
ТРИ СТУКА 75
Глава первая. Дом на продажу 75
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Алёна Шуйская
Вещая

ЧУЖОЕ КОЛЬЦО

Глава первая. Карман

Кольцо выпало из кармана, когда Марина искала ключи от машины.

Кирилл сам попросил забрать из его пальто связку с зелёным брелоком: утром оставил машину во дворе, а теперь не успевал отвезти её к шиномонтажу. Марина искала ключи одной рукой, другой держала телефон между ухом и плечом. Через сорок минут начинался урок свадебного танца. Преподаватель уже дважды предупреждал, что пропущенные занятия не переносит.

Ключи нашлись сразу. Вместе с ними на пол прихожей упал тонкий золотой ободок.

Он звонко ударился о плитку и покатился под обувную полку.

Марина присела и подцепила кольцо из-под полки кончиками пальцев. Тёплое жёлтое золото, крошечный прозрачный камень, царапина возле оправы. На внутренней стороне

что-то было выгравировано. Она повернула ободок к лампе.

Там стояли две буквы и дата.

«К. К. 14.08.17».

Первая буква могла означать Кирилла. Эта мысль пришла ей сразу — нелепая, почти детская. Следом пришла вторая: в августе семнадцатого они ещё не знали друг друга. Их свадьба назначена на двадцать первое декабря, меньше чем через месяц. Ничего из этого не объясняло, почему кольцо оказалось в кармане его пальто.

За три года Кирилл рассказывал ей о неудачных свиданиях, работе в другом городе и даже о том, как однажды по глупости взял кредит на старый мотоцикл. О кольце он не говорил.

Телефон завибрировал в руке.

«Ключи нашла? Я задержусь, не жди к ужину».

Она набрала: «А кольцо чьё?» — и стёрла. Спросить через сообщение означало провести весь день, разглядывая две галочки под вопросом. Марина положила телефон экраном вниз.

Кольцо осталось на комоде рядом с образцами свадебных приглашений. На светлом картоне зелёная веточка обнимала слова «Кирилл и Марина». Утром Марина придирчиво выбирала оттенок бумаги. Теперь ей хотелось убрать карточки, но она не знала, куда.

Из студии танцев позвонили через полчаса. Марина сбросила вызов и отправила извинение. Ключи от машины так и

лежали у входной двери.

Кирилл пришёл около десяти. В дверях он на ходу снимал шарф, сердито ругал пробку на выезде из города и пах морозом и горячим кофе из автомата. Он был высокий, с вечно растрёпанными тёмными волосами и привычкой сначала улыбаться, а потом здороваться.

— Ты чего не спишь? — спросил он. — Я думал, после танцев сразу свалишься.

— Не поехала.

— Заболела?

Она молча показала на комод.

Кирилл посмотрел сначала на приглашения, потом на конверт со счетами. Кольцо он заметил последним. На одно мгновение у него застыло лицо — так быстро, что Марина могла бы решить, будто ошиблась, если бы не ждала именно этого.

— Где ты это взяла?

— В твоём кармане.

Он поставил сумку на пол.

— Не знаю, откуда оно здесь, — сказал он.

Марина подумала, что ослышалась.

— В кармане твоего пальто лежит кольцо с твоей буквой. И ты не знаешь, что это?

— «К. К.», — прочитал он, даже не взяв украшение в руки. — Такие инициалы у кого угодно могут быть.

— И дата. Ты даже не спросил, какая дата.

Он посмотрел на кольцо ещё раз, после чего перевёл взгляд на раковину в прихожей — куда угодно, только не на неё.

— Я сегодня с шести утра на ногах. Давай не сейчас.

— Тогда когда?

Кирилл прошёл на кухню и открыл холодильник. Внутри стояли кастрюля супа и контейнер с котлетами. Он долго смотрел на полку, потом зачем-то передвинул банку горчицы. Марина осталась в дверях.

— Это чьё кольцо, Кирилл?

— Я сказал: не знаю.

— Ты врёшь.

Он с силой захлопнул дверцу.

— А ты уже всё решила. Зачем тогда спрашиваешь?

Марина приготовилась услышать какое-нибудь неловкое, но понятное объяснение: коллега попросила отнести украшение ювелиру; старый знакомый оставил его в машине; он сам хотел показать кольцо мастеру. Кирилл вместо этого налил суп и принялся есть. Он даже не попытался придумать объяснение.

Ложка то и дело задевала край тарелки. Её звон раздражал сильнее, чем следовало.

— Если у тебя есть другая женщина, скажи сейчас. Не после того, как мы разошлём приглашения.

Ложка остановилась.

— Никого у меня нет.

— Тогда объясни.

— Мне нечего объяснять.

Кирилл отвёл глаза. Такой же взгляд бывал у него, когда из машины шёл подозрительный стук, а он говорил: «Ещё походит». Марина всегда злилась, что он тянет до последнего. Но машину можно было поставить в сервис.

Она вернулась в спальню и закрыла дверь. Через час Кирилл тихо постучал.

— Марин. Ну не надо так.

Она не ответила.

— Я правда не изменяю тебе.

Когда он снова постучал, Марина подошла вплотную к двери. Ей хотелось распахнуть её, потребовать ответа, не отпускать его, пока не заговорит. Она положила ладонь на ручку. За дверью Кирилл ждал. Марина так и не нажала.

Марина долго лежала без сна. За стеной открыли кран, звякнула чашка. Кирилл тоже не спал. Между ними оставалась одна дверь, которую он мог открыть, и одно объяснение, которого не давал.

Утром кольца на комоде не оказалось.

Кирилл ушёл раньше неё. На столе оставил кофе в термокружке и записку: «Не сердись. Сегодня поговорим».

Марина выбросила записку в мусорное ведро, а термокружку всё-таки взяла. На работе открыла её трижды, хотя уже знала, что кофе остыл. Он положил ей сахар, как всегда, без напоминания.

* * *

Марина работала в небольшой архитектурной фирме. Её официальная должность называлась «координатор проектов», а на деле она следила, чтобы подрядчики ничего не забывали, заказчики вовремя отвечали на письма, а дизайнеры хотя бы иногда открывали календарь.

Всё, что можно было измерить, записать или проверить, Марина предпочитала измерять, записывать и проверять. Она не считала это недостатком.

— Ты третий раз читаешь одну и ту же смету, — сказала Лена. Они дружили ещё с первого курса; теперь Лена работала в соседнем отделе и позволяла себе говорить вслух то, что остальные обходили молчанием. — Там цифры от твоего взгляда не поменяются.

Марина подняла голову.

— У Кирилла в кармане кольцо нашла.

Лена перестала жевать яблоко.

— Твоё?

— Нет.

— Ну и?

Марина пересказала вечер. Лена выслушала, вытерла руки салфеткой и спросила:

— А бывшие у него были?

— Конечно. Мы же не в школе познакомились.

— И что, о каждой он должен докладывать?

— Он сказал, что не знает, чьё кольцо.

— Это глупый ответ, — согласилась Лена. — И нехороший. Только из этого пока не следует, что он тебе изменяет. Может, в прошлом было что-то, за что ему до сих пор стыдно.

— Перед свадьбой?

— Как раз перед свадьбой люди иногда особенно боятся признаться в том, что натворили раньше.

Марина никогда не смотрела в чужой телефон и не проверяла, кому Кирилл ставит сердечки. Теперь она заметила, что знает пароль от его ноутбука, и испугалась не возможности его открыть, а собственного желания.

Вечером Кирилл вернулся к ужину. Привёз сырники из пекарни, спросил, какой трек они в итоге выберут для первого танца, и рассказал про замёрзший аккумулятор у соседа. Марина отвечала невпопад. Её бесило, что он помнил про сырники и не мог произнести несколько правдивых слов.

Наконец она сказала:

— Мы вчера не договорили.

Кирилл опустил глаза.

— Я знаю.

— Так давай.

Он долго молчал.

— Это из прошлого, — сказал он наконец. — Старая вещь. Я не хочу снова в это лезть.

— Твоя?

— Не моя.

— Ты кому-то покупал это кольцо?

Кирилл провёл ладонью по лицу.

— Марин, пожалуйста. Я разберусь и расскажу. Это не про измену. — Он сделал паузу, будто хотел добавить что-то ещё, но лишь сжал край салфетки. — Просто дай мне время.

— Уже связано.

Он хотел взять её за руку, но Марина убрала ладонь со стола.

— Я не спрашиваю, с кем ты встречался восемь лет назад. Я спрашиваю, почему кольцо оказалось в твоём кармане вчера.

— Я не могу сейчас объяснить.

«Не могу». Не «не хочу». Разница была небольшой, но Марина уцепилась за неё, как за последнюю возможность не думать о худшем.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда не говори мне, что всё в порядке.

Ночью они спали на разных краях кровати. Ни один не протянул руку к другому.

Глава вторая. Маленькая заколка

Через четыре дня Марина нашла заколку.

Марина вытаскивала плед из-за дивана, когда пальцы нащупали твёрдую мелочь. Розовая пластиковая бабочка, у которой на одном крыле облупились блёстки. В застёжке застрял длинный светлый волос.

Марина несколько секунд вертела находку, потом положила на ладонь.

У неё были тёмные волосы, собранные в короткий хвост, и она никогда не носила заколок-бабочек. У Кирилла, насколько ей было известно, тоже.

Это было бы смешно, если бы на комоде несколькими днями раньше не лежало чужое кольцо.

Марина обошла две комнаты, как будто объяснение могло прятаться за шкафом. Квартира принадлежала ей: родители помогли с первым взносом, остальное она шесть лет выплачивала сама. Год назад Кирилл перевёз сюда свои книги, нелепый торшер и кружку со сколотой ручкой. Тогда слово «наша» само вошло в разговоры. Сегодня она впервые подумала: а чья жизнь здесь на самом деле происходит?

Гостей было мало. На прошлой неделе приходили Лена с мужем, но их сын давно перерос возраст розовых бабочек. У Светы, сестры Кирилла, двое мальчишек. Марина мысленно перебирала всех, кто заходил к ним за последний месяц.

Каждый раз возвращалась к тому, что Кирилл мог привести кого-то без неё.

Марина фотографировала бабочку для Лены, когда в замке повернулся ключ.

Кирилл вошёл с бумажным пакетом продуктов.

— А ты чего дома? — спросил он. — Я думал, к маме поедешь.

— Передумала.

Он поставил пакет на пол, заметил её руку.

— Что это?

— Ты мне скажи.

Кирилл узнал заколку. Марина не знала, как это доказать, но увидела: он уже приготовился объяснять находку раньше, чем спросил, где она лежала.

— Где нашла?

— За диваном.

— Может, от гостей осталось.

— Каких гостей?

— Не знаю, Марин. У нас людей мало бывает?

— Ты водил сюда кого-нибудь, пока меня не было?

— Нет.

Ответ прозвучал без заминки. Марина почему-то вспомнила, что на вопрос о кольце Кирилл, наоборот, долго молчал.

— Ты сейчас опять врёшь, — сказала она.

— Да что с тобой такое? Из-за какой-то дешёвой пласт-

масски устраиваешь допрос!

Марина ощутила, как щёки заливает жаром.

— Не из-за пластмасски. Из-за того, что ты от меня что-то скрываешь.

Кирилл вдруг устал. Это было видно по тому, как разом опустились его плечи.

— Да, — сказал он после паузы. — Я кое-что скрываю. Но с другой женщиной я не встречаюсь.

— Тогда скажи, что.

Он не ответил.

— Я не могу больше делать вид, что ничего не происходит.

— Дай мне немного времени.

— Сколько? До свадьбы? После? Когда мне кто-нибудь сам всё расскажет?

Кирилл сунул руки в карманы и отвернулся к окну.

— Неделю, — сказал Кирилл. — Дай мне одну неделю. Я должен сначала разобраться с людьми, которых это касается.

— А меня, значит, не касается? — спросила Марина. Он не ответил, и ей пришлось самой произнести срок, после которого всё станет окончательным.

— Ладно, — произнесла она. — Но если за неделю ты ничего не объяснишь, свадьбы не будет.

Он хотел возразить, но Марина разжала ладонь: розовая бабочка оставила на коже вдавленный след. Она сама не заметила, что всё это время сжимала заколку.

Кирилл обернулся.

— Не говори так.

— А как мне говорить?

Кирилл обнял её. Марина на секунду прижалась лбом к его свитеру и почувствовала знакомый запах стирального порошка. Он помнил, какой хлеб ей нравится и что перед самолётом она всегда нервничает. Однажды среди ночи повёз её к заболевшей собаке матери. Все эти вещи были правдой. И это молчание тоже.

Она осторожно высвободилась.

* * *

Когда Марина нервничала, ей нужно было что-нибудь разобрать: счета, шкаф или папку на компьютере. В тот вечер она взялась за ящик в прихожей, куда ссыпали чеки, батарейки и запасные ключи. До этого часа ей удавалось не плакать. Стоило выдвинуть ящик, как захотелось сесть на пол.

На дне, под стопкой квитанций, лежал сложенный вчетверо лист из альбома.

Сначала Марина решила, что это забытая накладная. Потом развернула бумагу.

На листе восковыми карандашами были нарисованы трое: высокий мужчина в синей куртке, девочка с косичками и рыжая женщина в зелёном пальто. Над мужчиной крупно стояло «ПАПЕ». Внизу кривилось красное солнце. Ребёнок очень старался не выходить за край листа.

В правом углу автор поставил подпись: «Соня 7».

Марина села прямо на коврик у двери. У неё было зелёное пальто, у Кирилла — синяя куртка. Но ни одной девочки по имени Соня она не знала.

Она ещё раз посмотрела на рисунок, поискала сходство с собой у нарисованной женщины. У той были длинные рыжие волосы. У Марины — тёмные и прямые.

У рисунка не было никакой волшебной силы. Он был просто детским рисунком, сложенным и спрятанным там, где лежат ненужные квитанции. От этого становилось страшнее.

— Кирилл, — позвала она.

Он появился в дверях почти сразу и, увидев бумагу, остановился.

Несколько секунд никто не говорил.

— Кто такая Соня? — спросила Марина.

Он побледнел.

— Откуда это у тебя?

Марина невольно засмеялась, хотя ей хотелось плакать.

— Послушай, как ты говоришь. У тебя в кармане кольцо, за диваном заколка, в нашем ящике рисунок. И всякий раз ты спрашиваешь только, как я это нашла.

— Марин...

— У тебя есть ребёнок?

Кирилл открыл рот, но не произнёс ни слова.

— Не прошу тебя ответить за кого-то другого, — сказала она уже тише. — Но ведь ты хотя бы можешь ответить за

себя.

— Могу, — сказал Кирилл.

Он по-прежнему молчал. И этого было достаточно.

Марина разгладила лист, прижав ладонью складки. Он отдёрнул руку, будто хотел забрать рисунок, но передумал.

— Всё, — сказала она. — Я больше ничего спрашивать не буду. Ты сам решишь, что мне можно знать.

Она прошла мимо него в спальню, достала дорожную сумку и начала складывать одежду.

Кирилл стоял в дверях.

— Не уходи.

— Я поеду к Лене.

— Я всё расскажу.

Марина застегнула сумку.

— Сейчас? — Марина оставила открытую сумку на кровати. — Или после очередного разговора с кем-то ещё?

Он прикрыл глаза.

— Мне нужно кое с кем поговорить, прежде чем рассказывать. Я не могу просто взять и вывалить всё на тебя.

— А рисунок прятать можешь, — сказала она. И только теперь застегнула сумку.

В подъезде пахло свежей краской и чьими-то жареными котлетами. Пока лифт поднимался, Марина смотрела на дверь собственной квартиры и ждала, что Кирилл выйдет следом.

Он не вышел.

В машине Марина долго сидела, положив ладони на руль. Потом набрала Лену.

— Можно я у тебя переночую?

— Что случилось?

— Я нашла рисунок. Детский. И, кажется, у Кирилла есть дочь.

Лена помолчала.

— Приезжай. Я чай поставлю.

Марина заплакала, когда двигатель уже работал, а дворники бессмысленно сметали с лобового стекла редкие снежинки. Не из-за неизвестной девочки. Ей было унизительно, что собственную жизнь она узнавала по вещам, которые кто-то забыл спрятать.

У Лены дома горел свет во всех комнатах. В прихожей сушились мокрые кроссовки, из кухни доносился запах жареной картошки, телевизор бубнил о погоде. Лена не стала задавать вопросов при муже и сыне. Молча забрала у Марины сумку, указала на ванную, потом поставила перед ней тарелку.

— Поешь хотя бы пару ложек. Ты сегодня вообще ела?

Марина попыталась вспомнить. Утром был кофе, днём яблоко, которое она так и не догрызла. Еда не лезла в горло, но она всё-таки взяла вилку.

Муж Лены, Андрей, заглянул на кухню и спросил, не нужно ли ему уйти в комнату. Марина покачала головой. Андрей достал из холодильника солёные огурцы, поставил банку на

стол и ушёл, даже не поинтересовавшись, что произошло. За это Марина была ему благодарна больше, чем за любые слова сочувствия.

Позже, когда все разошлись спать, Лена расстелила ей диван в гостиной.

— Покажи рисунок, — попросила она.

Марина открыла фотографию. Лена приблизила экран, изучила буквы и маленькие фигурки.

— Слушай, — сказала она. — А почему ты решила, что женщина в зелёном пальто — это ты?

— У меня зелёное пальто.

— У половины города есть зелёные пальто. И рыжие волосы у неё нарисованы.

— Может, ребенок не умеет рисовать людей.

— Может, он вообще нарисовал прошлое, которое не имеет отношения к тебе. Ты сейчас складываешь все находки в одну картину. Только не заставляй себя верить в неё до разговора.

Марина забрала телефон.

— Ты думаешь, я выдумала кольцо и заколку?

— Нет. Я думаю, что Кирилл ведёт себя отвратительно. Но ты не обязана угадывать, почему. Пусть сам рассказывает.

За стеной Андрей сонно спросил, где его зарядка. Лена ответила: «Под подушкой, как всегда». Марина слушала их и неожиданно завидовала даже этой пустяковой перебранке.

Там люди не боялись спрашивать друг друга о мелочах.

— Я не хочу жить подозрениями, — сказала она.

Лена села рядом.

— Тебе придётся выяснить правду, — сказала Лена. — А потом отдельно решать, что делать с тем, как он её скрывал. Не смешивай эти два вопроса.

В ту ночь Марина долго не спала. Из приоткрытой форточки тянуло морозным воздухом. На полу возле дивана лежала её дорожная сумка, застёгнутая так поспешно, что наружу торчал рукав домашней кофты. Она представила, как Кирилл входит в пустую спальню и видит, что половина её вещей исчезла. Стало жалко его, потом себя, потом обоих сразу.

Под утро пришло сообщение: «Я дома. Пожалуйста, напиши, что добралась».

Марина ответила только: «Добралась».

Глава третья. Дом с синей калиткой

— Ты только не смейся, — сказала Лена на следующее утро. — У моей тётки есть одна женщина. В Ольховке живёт. К ней ездят, когда совсем запутаются.

Они сидели на кухне у Лены. Муж уже уехал за продуктами; за стеной сын смотрел урок английского, который вечно откладывал на выходные. Марина почти не спала, но продолжала держать остывший чай двумя руками.

— Психолог?

— Не совсем.

— Лена.

— Не совсем. — Лена замялась. — Баба Тася. У тётки отец как-то пропал. Она сказала искать возле старой пилорамы, там его и нашли. Я понимаю, это похоже на историю из интернета. Может, сама слышала что-нибудь. Но тётка до сих пор клянётся, что не говорила ей даже, куда он уехал.

— Ты серьёзно предлагаешь мне ехать к гадалке?

— Я предлагаю тебе хоть день не сидеть здесь и не перечитывать сообщения Кирилла. А ехать или нет — решай сама.

Марина скользнула взглядом по экрану: двенадцать непрочитанных сообщений. Последнее пришло час назад: «Я всё испортил. Скажи, где ты, поговорим». Невозможность сказать правду не мешала Кириллу просить о разговоре.

Она могла потребовать объяснения прямо сейчас. Но вчера он сам сделал всё, чтобы она ушла, а сегодня просил вернуться к разговору, которого так долго избегал.

— Как зовут твою бабку?

— Анастасия Петровна. Баба Тася. Если поедешь, не говори, что я тебя послала. У неё тётка один раз спросила про выигрыш в лотерею, она до сих пор вспоминает.

— Что сказала?

— «Работать пробовала?»

Марина неожиданно рассмеялась.

До Ольховки добирались больше часа. За городом серел первый снег, в колеях блестела вода. Навигатор дважды пытался завести Марину на разбитую грунтовку. В конце концов она остановилась у магазина с облупленной вывеской «Продукты».

Женщина за прилавком, в ярком жилете поверх кофты, выслушала её вопрос и прищурилась.

— К Тасе? А чего ищешь?

— Дом.

— Да поняла я, что не грибы, — сказала продавщица. — Прямо до старой липы, потом направо. Калитка синяя, колокольчик на проволоке. Если Бублик залает, не бойся: зубов боится больше, чем людей. И Тасе напомни про сахар. Она поймёт.

По дороге Марина думала, насколько странно это выглядит со стороны: взрослая женщина, которая умеет соста-

вить бюджет большого проекта до копейки, едет за сто километров, чтобы незнакомая старушка рассказала ей о чужом кольце.

Если бы всё происходило с Леной, Марина, наверное, посоветовала бы ей не тратить бензин.

Но теперь ей было всё равно, что разумно, а что нет.

Дом оказался небольшим, но ухоженным. Синяя калитка висела чуть криво, у крыльца лежали нарубленные дрова. Под навесом сушились травы. Кошка на ступеньке подняла голову, оценила незнакомку и снова закрыла глаза.

Марина позвонила.

Из дома донёсся голос:

— Дёргай посильнее. Не отвалится.

Дверь открыла невысокая старуха в вязаном жилете. Седые волосы собраны на затылке, палец заклеен пластырем, в другой руке мокрая тряпка. Марина успела разочароваться: эта женщина выглядела ровно как её соседка снизу.

— Здравствуйте. Простите, без предупреждения. Мне сказали, вы...

— Сначала ноги вытри, потом расскажешь. У меня только пол вымыт.

В доме было тепло. Пахло яблоками, свежим хлебом и чем-то горьковатым, аптечным. На кухонном подоконнике стояли банки с рассадой, хотя до весны оставалось несколько месяцев. Возле батареи спала ещё одна кошка — или та самая каким-то образом успела обежать дом.

— Чаю будешь?

— Спасибо, не надо.

— Тогда садись и молчи, пока я себе налью. Не люблю, когда человек стоит над душой.

Марина устроилась за кухонным столом. На стене тикали часы с кукушкой, у которых из окошка выглядывала одна потёртая деревянная голова. Баба Тася насыпала заварку прямо в чашку, залила кипятком и придвинула гостье сахарницу, хотя та от чая отказалась.

— Ну? — спросила она.

Марина опустила взгляд на чашку. С чего начать — с кольца, заколки, рисунка? Она репетировала объяснение всю дорогу, а теперь даже имя Кирилла произнести было трудно.

— У меня свадьба скоро.

— Вижу, что не похороны.

— Откуда видите?

Старушка указала на тканевую сумку у её ног. Из неё торчал угол каталога свадебного салона: Марина машинально прихватила его вместе с ноутбуком.

— По сумке, — ответила баба Тася. — Когда надо, я и без чудес вижу. Ты уж определись: тебе человека слушать или фокусы смотреть.

Марина покраснела. Она невольно усмехнулась.

Она рассказала всё. Пока говорила, баба Тася не перебивала, только пододвигала ей то чашку с сахаром, то блюдце

с подсохшими баранками. На словах о детском рисунке старушка подняла голову.

— Покажешь?

— Остался дома. Фотография есть.

Марина достала телефон. На снимке лежал смятый альбомный лист, рядом для масштаба виднелся угол стола.

Старушка держала телефон обеими руками. У неё были короткие ногти и твёрдые рабочие пальцы. Она прищурилась, задержалась на фигуре девочки, но не сказала ни слова, пока Марина сама не убрала телефон.

— Ты ребёнка боишься?

— Какого ребёнка?

— На рисунке. От неё тебе страшнее, чем от незнакомой женщины, верно?

— Я боюсь, что меня обманывают.

— Это понятно. Я про другое спрашиваю.

Марина вдруг вспомнила себя семилетней: тесный коридор, рюкзак у ног и мамин телефонный шёпот за дверью: «При ней ничего не говори». Отец ушёл к женщине, у которой был сын. По выходным он теперь куда-то торопился. Марина не знала куда, но знала, что туда её не звали.

— Я не люблю, когда меня ставят перед фактом, — сказала она.

— Этого никто не любит. А бояться всё равно можно другого.

Старушка протянула телефон обратно. Потом неожидан-

но положила ладонь на Маринино запястье.

На кухне щёлкнул термопот. Марина хотела освободить руку, но баба Тася держала её легко, даже не сжимала. Взгляд старушки расфокусировался. Казалось, она прислушивается к тому, чего здесь не было.

Баба Тася не шевелилась. Её взгляд сделался далёким и каким-то тяжёлым.

— У тебя в голове всё одно и то же: «Только не прячьте от меня», — сказала баба Тася чужим, тихим голосом. Марина вздрогнула. Эти слова она когда-то произнесла матери после очередного отцовского обещания. Вслух здесь она их не повторяла.

— Автобусная остановка... Аптека рядом. Женщина плачет и отворачивается от девочки. У той красные варежки. Одна в снег упала. Мужчина поднимает... — Старушка резко замолчала. — Дальше пусто.

Баба Тася отпустила руку и поморщилась, будто у неё заболела голова.

Марина забыла вдохнуть.

— Вы видели это на рисунке? — спросила Марина. — Или вам Лена что-то рассказала?

— С чего бы мне с твоей Леной знакомиться? — Баба Тася отвернулась к чашке. — И рисунок тут ни при чём.

— Откуда вы знаете про девочку?

— А ты откуда знаешь, что у твоего Кирилла кто-то есть? Пока только вещи нашла. Люди частенько находят вещь, а

потом находят для неё самое страшное объяснение.

— Но ребёнок действительно есть?

— Я не сказала, чей ребёнок. И не видела, что твой жених держал её за руку.

— Вы сказали — мужчина поднял варежку.

— Мужчин на остановках хватает. Я лица не видела. Не надо под мои слова свою догадку подгонять.

Марина растерянно огляделась. На старом шкафу лежал клубок синей шерсти, рядом — раскрытая тетрадь с крупными цифрами. Всё было до смешного обыкновенно, кроме того, что несколько мгновений назад эта женщина говорила о девочке, которой никак не могла знать.

— Что мне делать?

Баба Тася медленно отпила чай.

— Перестань сначала искать соперницу, — сказала баба Тася. — Спроси себя, что он от тебя прячет. Это разные вещи.

— А кольцо?

— Украшения старые не выбрасывают по разным причинам. И из любви, и из злости, и потому, что руки не дошли. Кольцо ничего тебе не ответит. С человеком надо говорить.

— Он не говорит.

— Значит, срок назови. Не чтобы припугнуть, а чтобы самой потом не отступать. Чужое молчание месяцами терпеть не обязана.

Марина поднялась, но старушка удержала её за рукав.

— И помни: маленьким детям за взрослые ошибки расплачиваться не положено. Но и собственную жизнь ради них ломать не надо.

На крыльце кошка уже сидела у двери. Марина осторожно переступила через неё и неожиданно спросила:

— А вы всегда правильно видите?

Баба Тася помедлила.

— Нет. Иногда вижу верно, а понимаю не то. — Старушка посмотрела в сторону двора. — Однажды это дорого обошлось.

Она закрыла дверь прежде, чем Марина успела что-нибудь добавить.

* * *

На обратной дороге Марина всё-таки остановилась у аптеки. Рядом тормозил автобус, люди толкались к дверям, у бордюра валялась синяя детская варежка. Она подняла её на скамью. Никакого подтверждения не было — только обычная остановка и чужая потерянная вещь.

В машине было четыре пропущенных звонка от Кирилла и сообщение: «Я сегодня доеду до тебя. Не убегай, прошу».

«Я хочу услышать всё, — написала Марина. — Завтра в семь. Если снова будешь молчать, не приезжай». Она нажала «отправить», не переделав ни слова.

На пассажирском сиденье лежал свадебный каталог. Марина закрыла его, не заглянув внутрь.

Глава четвёртая. Женщина у больницы

Наутро Кирилл не позвонил.

В половине восьмого пришла фотография больничного табло с номерками. Подпись: «Застрял в больнице. К семи приеду и объясню». На снимке виднелся край объявления о прививках. Людей в кадре не было.

Марина посмотрела на экран и ощутила, как внутри снова всё холодеет.

«Ты заболел?» — написала она.

«Нет».

«Тогда кто?»

«У близкого человека проблемы. Прости. Не могу сейчас подробно».

Близкий человек. Так Кирилл прежде называл только её и свою сестру.

Марина открыла список контактов. Номер сестры у неё был. Она могла бы спросить у Светы, всё ли в порядке, но остановилась: не хотелось втягивать в их ссору ещё одного человека. Вместо этого написала Лене, что на работу опоздает.

— Только не делай глупостей, — попросила подруга по телефону.

— Например?

— Не устраивай слежку с биноклем. Это всегда кончается плохо.

— У меня нет бинокля.

— Марин, это не то, на что я рассчитывала в ответ.

Они помолчали, и Лена добавила уже тише:

— Если пойдёшь, то хотя бы ради ответа, а не ради скандала. Ладно?

Марина положила телефон на соседнее сиденье и поехала к больнице. Название учреждения удалось разобрать по логотипу на стене. Она не называла это слежкой. От того, как она называла свой поступок, он не менялся.

Стоянка была почти заполнена. Машину Кирилла она заметила у дальнего въезда: на заднем стекле по-прежнему держалась смешная наклейка с котом, которую приклеил сын его сестры. Двигатель был заглушён.

Марина просидела в машине двадцать минут. За это время успела трижды решить уехать и дважды передумать. Потом увидела Кирилла.

Кирилл вышел из бокового входа с двумя стаканами кофе. Рядом шла рыжеволосая женщина в светлом пуховике. Она быстро говорила, потом вдруг закрыла лицо ладонями. Кирилл поставил стаканы на широкий подоконник и обнял её за плечи. Она не обняла его в ответ — просто стояла, пока не перестала дрожать.

Марина испытала почти облегчение. Вот человек. Вот ложь, у которой появилось лицо. Она наконец могла пере-

стать сомневаться в собственных глазах.

Женщина вытерла слёзы рукавом. Кирилл что-то ей говорил, наклонив голову. Он выглядел не виноватым любовником, а человеком, который пытается удержать чужой мир от падения. Марина разозлилась на себя за эту мысль.

Женщина подняла голову и вдруг заметила машину Марины.

Женщина побледнела и крепче прижала к себе сумку. Марина ждала усмешки, победного взгляда — чего угодно, только не этого испуга.

— Кирилл! — окликнула она.

Он обернулся.

Марина вышла из машины, хотя уже не была уверена, что хочет разговаривать.

— Привет, — сказала она.

Кирилл побледнел.

— Марина... Как ты здесь оказалась?

— Приехала узнать, кто у тебя болеет.

Катя была чуть старше Марины. На ногтях облупился лак, из рукава выглядывал след от тугой резинки. В ней не было ничего от той уверенной соперницы, которую Марина рисовала себе бессонными ночами. И это почему-то делало встречу ещё более обидной.

— Ты Марина? — спросила она.

— А вы?

— Катя.

Кирилл осторожно сделал шаг вперёд.

— Я могу объяснить.

Марина смотрела только на Катю.

— Вы с ним встречаетесь?

— Что? — Катя даже отступила. — Нет. То есть когда-то... Господи, нет, не сейчас.

— Тогда чьё кольцо ты ему дала?

Катя резко взглянула на Кирилла.

— Ты ей не рассказал?

— Я собирался, — сказал он. Слово, которого Марина больше не могла слышать.

Эти три слова были хуже всего. Не «не успел», не «не знал, как», а именно «собирался».

Катя шумно выдохнула.

— Я думала, ты рассказал ещё на прошлой неделе.

Марина сжала ремешок сумки.

— Так расскажите вы.

Катя открыла рот, но за стеклянной дверью больницы показалась женщина в медицинском костюме.

— Екатерина Сергеевна, вас ищут. Соня проснулась, — сказала медсестра.

Катя повернулась к ней.

— Я сейчас.

— И папу позовите, пожалуйста, — добавила медсестра. — Она его спрашивает.

Кирилл сделал едва заметное движение к двери.

У ребёнка вдруг оказалось не только имя, написанное на бумаге, но и больничная палата, и страх проснуться без близких. Марина поймала себя на том, что ещё минуту назад готовилась ненавидеть эту девочку, не видя её.

— Это твоя дочь? — тихо спросила Марина.

Кирилл посмотрел ей прямо в глаза.

— Да.

Слово прозвучало без попытки оправдаться.

— Сколько ей?

— Семь.

— И давно ты об этом знаешь?

Он выдохнул.

— Месяц.

Катя подняла со ступеньки сумку, которую до этого никто не замечал.

— Мне надо к Соне, — сказала она. — Я не хотела, чтобы всё получилось так. Марина, правда. Но оставлять её одну я тоже не могу.

Марина кивнула, хотя не помнила, о чём её просили. Катя вошла внутрь. Кирилл остался снаружи.

— Почему ты не сказал? — спросила Марина.

— Я боялся.

— Чего?

— Что ты уйдёшь.

Марина смотрела на него, не веря, что дело могло быть настолько простым и настолько непоправимым. Он боялся её

потерять — и потому целый месяц не давал ей права выбрать самой.

— Тогда ты удивительно хорошо выбрал способ меня удержать.

Он хотел что-то ответить, но она подняла руку.

— Ты даже не спросил, согласна ли я разделить с тобой всё это, — сказала Марина. — Ты решил, что лучше я буду последней, кто узнает.

— Я знаю.

— Нет, сейчас ты только услышал, что я об этом думаю.

— Пожалуйста. Сейчас ничего не говори.

— Поехали куда-нибудь, сядем спокойно...

— Нет.

— Марин, Соне ночью стало трудно дышать, Катя перепугалась. Я поехал к ним. Я не мог их оставить.

— Я тебя не спрашивала, почему ты в больнице. Я спрашивала, почему ты месяц лгал мне.

За дверью медсестра снова позвала Катю, уже нетерпеливо. Кирилл обернулся на голос.

Он всё время прислушивался к шуму за дверью. Марина видела, как ему хочется остаться с ней, но за стеклом лежал ребёнок, который впервые в жизни называл его папой. Она не собиралась заставлять его выбирать прямо здесь.

Она сама открыла перед ним дверь.

— Иди к дочери.

Он не двинулся.

— Мы поговорим?

— Когда я смогу.

Кирилл ушёл, а Марина ещё долго стояла на ветру, пока пальцы не перестали слушаться. Потом села в машину и закрыла двери.

На заднем сиденье лежала коробка ёлочных игрушек, купленных перед ссорой. Два деревянных человечка в свадебной одежде смотрели друг на друга нарисованными глазами. Продавщица обещала, что это хорошая примета на первый семейный Новый год. Марина закрыла коробку крышкой.

Марина достала коробку, посмотрела на нелепые фигурки и убрала обратно. Глупо было злиться на деревянных людей, которые ничего ей не обещали.

* * *

На работе она не смогла сосредоточиться ни на одном письме. Начальник дважды переспросил её про договор; Лена молча переставила совещания и положила перед ней шоколадку.

— Так это ребёнок, — сказала подруга, когда они остались одни.

— У него дочь. Семь лет.

— Он не знал?

— Говорит, что месяц назад узнал.

— И ты ему веришь?

— Не знаю.

Марина раскрутила обёртку шоколадки, не отломив ни

кусочка.

— Хуже всего то, что я не могу честно сказать, чему больше злюсь: его молчанию или тому, что теперь всё будет иначе. Мне стыдно, Лен. Я ещё не видела девочку, а уже считаю, какие выходные он проведёт не со мной.

— Это не делает тебя плохим человеком.

— Я не желаю ей плохого. Но мне страшно, что начну ненавидеть её за то, чего она не делала.

Лена долго молчала.

— На Кирилла злись сколько потребуется, — сказала Лена. — Ребёнок с тобой никаких обещаний не нарушал.

Без пяти семь Кирилл прислал длинное сообщение: признал, что после больницы на разговор не приедет, и наконец начал объясняться. Восемь лет назад они с Катей расстались. О беременности она не сказала. Месяц назад пришла вместе с девочкой. Он потребовал тест на отцовство, дождался результата, начал узнавать дочь — и всё это время оттягивал разговор с Мариной. Он писал, что боялся разрушить их свадьбу. В конце стояло: «Я думал, что смогу тебя уберечь».

Марина прочитала сообщение, потом ещё раз.

На строчке «я хотел тебя уберечь» она остановилась.

«Уберечь». Марина произнесла это слово про себя. Кирилл не спросил, от какой правды она хочет, чтобы её берегли.

Глава пятая. Обещание восьмилетней давности

Через несколько дней Кирилл пришёл в десять утра. Марина сама предложила встретиться у неё и почти сразу пожалела. Его тапочки по-прежнему стояли у батареи, на холодильнике висел список свадебных дел, где первым пунктом значилось «забрать кольца». Она сняла лист и убрала под стопку квитанций, но лучше от этого не стало.

Кирилл осунулся. Он принёс пакет с булочками, который так и остался стоять у двери. Прежде Марина непременно бы заметила, что он забыл снять куртку. Теперь ей было не до этого.

— Это твои любимые булочки. Я не знал, что ещё взять.

— Сядь.

Он сел на край табурета. Марина включила чайник. Не потому, что хотела чая; просто необходимо было что-то сделать руками.

— Начни сначала. Только без слов «я хотел тебя уберечь», — попросила она. — Если на каком-то вопросе тебе станет неудобно, не перескакивай на следующий.

Кирилл кивнул.

Кирилл познакомился с Катей восемь лет назад, на строительстве гостиницы в соседней области. Ему было двадцать пять, он впервые руководил бригадой. Катя работала в ка-

фе возле стройки и училась заочно. Встречаться они начали быстро; уже к концу лета Кирилл говорил, что ради неё может остаться в городе. Осенью ему предложили хорошую должность здесь. Он выбрал работу, а потом упрекал Катю за то, что она не хочет бросать учёбу и больную мать.

— Четырнадцатого августа подарил ей кольцо. Не обручальное. Но ей было понятно, что я обещаю. А через три месяца сказал: «Если любишь, переедешь». Сейчас слышу это вслух и понимаю, каким дураком был.

— А потом?

— Потом я получил предложение о работе здесь. Хорошее. Она не захотела переезжать: у неё была учёба, мать болела. Я уговаривал, мы ссорились, и к ноябрю всё кончилось. Несколько раз пытались помириться, потом перестали звонить.

Кирилл говорил без привычного «потом объясню». Но стоило ему замолчать, как Марина ловила себя на том, что ждёт следующего признания, о котором он пока не решился сказать.

— Про беременность она не сказала?

— Через Свету. Она нашла мою сестру в соцсетях, попросила передать номер. Я долго не отвечал. Думал, ей что-нибудь нужно от меня после стольких лет.

— И?

— Она пришла с Соней. Сказала, что это моя дочь.

Марина помешивала чай, хотя сахара в нём не было.

— Ты ей поверил?

— Нет. Я спросил, почему должен верить ей через семь лет. Потом сказал, что ребёнок может быть от кого угодно. Соня была рядом, не всё слышала, но Катя услышала. До сих пор за себя стыдно.

— Ты хоть проверил, что это действительно твоя дочь? — спросила Марина. Ей самой было неприятно, что она начинает разговор с этого.

— Потребовал тест. Катя согласилась сразу. Я привёз заключение, если захочешь увидеть.

Он достал из сумки прозрачную папку и положил на край стола. Марина не взяла её. Теперь ей было нужно не медицинское подтверждение, а объяснение, почему он прятал и это.

В кухне стало тихо. За окном дворник волок по асфальту лопату, собирая мокрый снег.

— Где это было? — спросила Марина.

Кирилл вздрогнул.

— Откуда ты знаешь?

— Рядом с аптекой?

— У аптеки, напротив остановки. Катя не хотела приводить девочку в офис. Соня отошла к автомату с игрушками. Я начал требовать доказательств. Катя расплакалась и всё оглядывалась, не видит ли Соня.

У Марины похолодели ладони.

— Варежки у неё были красные?

Кирилл долго смотрел на неё.

— Красные. Она одну уронила, я поднял. — Кирилл вскинул глаза. — Откуда ты знаешь?

Марина машинально сжала край скатерти. Она вспомнила не только слова бабы Таси, но и то, как старушка сразу предупредила: видит лишь кусок чужой жизни. Сейчас этот кусок оказался подлинным до цвета варежки.

— Марина? — Кирилл встал. — Ты как узнала?

— Продолжай.

Он сел обратно.

— Тест пришёл через десять дней. Я сам позвонил Кате. Потом мы гуляли с Соней по парку. Она читала вывески задом наперёд и спросила, почему у голубей такие важные лица. — Кирилл коротко улыбнулся и тут же перестал. — Марин, я за одну прогулку узнал о ней больше, чем за семь лет. И ещё понял, что в её жизни ничего не начнётся заново только потому, что мне так захотелось.

Марина слушала и понимала: хуже всего ей не эти слова, а мягкость, с которой Кирилл произнёс «дочь». Так он говорил о вещах, которые были для него по-настоящему важны.

— Почему Катя решила сказать сейчас?

— Соня стала спрашивать. В школе им задали рисовать семейное дерево, и она хотела вписать папу. Катя сказала, что пора дать ей ответ. А я сперва думал, что эта история кончится тестом, а потом пришлось понять, что нет.

— А у Кати был муж?

— Нет. Ей помогала мать, но весной умерла. Катя одна с Соней. Я не знал, что у них всё так тяжело. — Кирилл осёкся. — И это не оправдывает того, что я делал потом.

Марина кивнула. На секунду ей захотелось спросить, уверен ли он, что Соня его дочь. Вдруг нашлось бы хоть одно простое объяснение. Но Кирилл не сомневался — это было видно по тому, как он произносил имя девочки.

— Кольцо Катя отдала тебе тогда, на остановке?

— Да. Она отдала его в тот день, сказала: «Наши с тобой обещания закончились. Перед Соней у тебя может появиться другое». Я сунул в карман и потом вытащил из него уже при тебе.

— И ты ответил, что не знаешь, чьё оно.

— Потому что стоило признаться про кольцо, пришлось бы признаться про ребёнка. Я испугался. И выбрал соврать.

— Ты смотрел мне в глаза и врал.

— Да.

Марина поставила чашку в раковину.

— А заколка? И рисунок? Они как оказались здесь?

Кирилл разжал руки. Возле большого пальца кожа была разодрана до красноты. Света рассказывала, что ещё в школе он делал так, когда нервничал.

— Я привёл Соню домой.

У Марины перехватило горло. Она ожидала этого ответа и всё равно не была к нему готова.

— Когда?

— В прошлую пятницу. Кате задержали смену, а Соню надо было забрать из продлёнки. Я сказал, что смогу, хотя понятия не имел, как устроен её день. Думал, отвезу к Кате. У них в подъезде прорвало трубу, пришлось ждать аварийку на улице. Соня замёрзла. Я привёз её сюда, напоил чаем, мы посидели полчаса.

— Это моя квартира, — произнесла Марина. — И я не запретила бы согреть здесь ребёнка. Но ты даже не дал мне возможности сказать «да». Ты решил, что проще, если она придёт тайком.

— Я собирался рассказать.

— Не произноси больше это слово.

Кирилл опустил голову.

— Она сняла заколку, когда надевала шапку. Рисунок нарисовала у нас. Хотела, чтобы я показал его тебе. Я сунул лист в ящик и сказал, что потом. — Кирилл провёл рукой по лбу. — Она спросила, почему мне нельзя повесить его на холодильник. Я ответил, что там нет места.

— И ещё, — сказала Марина. — Когда я нашла заколку, ты обвинил меня в том, что я устраиваю допрос. Ты ведь знал, чья она. Почему нельзя было хотя бы не делать из меня сумасшедшую?

— Хотел, чтобы ты перестала спрашивать, — ответил Кирилл после долгой паузы. — Я слышу, как это звучит. Тогда думал только о себе.

— У нас полхолодильника пустое, — сказала Марина.

— Знаю.

— Она ведь заметила, что ты прячешь её рисунок.

Он зажмурился.

Марина вспомнила школьный коридор и собственную мысль: если папа никому не говорит, куда ездит, значит, есть место, где ей быть нельзя. Семилетняя девочка не умеет отделять взрослую трусость от собственной вины.

— Соня знает обо мне?

— Соня знает, что у меня есть невеста. Я показывал твою фотографию. Она хотела познакомиться, а я сказал, что не время. Это тоже было неправильно.

— А ты сказал?

— Что пока рано.

— Ты вообще думал, каково ей слышать, что папа у неё теперь есть, только она почему-то должна быть секретом?

— Думал, что стараюсь никого не ранить, — ответил Кирилл. — А вышло, что ранил всех по очереди.

— Думал. Но неправильно.

Так просто признал — и это совсем не принесло облегчения.

— Не жди от меня сейчас слов «ничего страшного», — сказала Марина. — Для меня страшно. Я могу не захотеть быть рядом, когда ты начнёшь проводить с дочерью выходные. Могу ревновать. Могу испугаться себя самой. И всё же это не значит, что ты должен отказываться от Сони.

— Я и не прошу.

— А чего просишь?

Кирилл поднял глаза.

— Не знаю, имею ли право просить. Но я хочу, чтобы у нас осталось время попробовать. И я понимаю, что доверие не вернётся только потому, что теперь рассказал правду.

Марина сняла с холодильника список дел, который утром спрятала под квитанции, и разложила перед ним. «Позвонить ведущему. Забрать кольца. Подтвердить банкет». От этой аккуратной последовательности ей стало горько: здесь всё было распланировано, кроме самого важного.

— Я не вычёркиваю нас. Но и делать вид, что мы готовы пожениться через три недели, не буду.

Кирилл посмотрел на листок.

— Ты отменяешь свадьбу?

— Я откладываю её. И прошу тебя пока пожить отдельно.

— Ты ведь продолжишь видеться с Соней? — спросила она.

— Да. Даже если ты решишь, что между нами всё.

— Хорошо. Больше не заставляй её ждать, пока взрослые разберутся со своим страхом.

Он не стал уговаривать. Только спросил, может ли до завтра забрать вещи, чтобы не таскать их при ней. Марина кивнула. Его согласие почему-то ранило — часть её всё ещё ждала, что он начнёт бороться за неё словами. Но слова уже ничего не стоили без поступков.

— Хорошо. Если тебе так нужно.

— Нужно.

Он собрал кое-какую одежду, документы и зарядку для телефона. Перед уходом остановился у двери.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Марина посмотрела на его сумку.

— Я знаю. И от этого всё не становится проще.

Оставшись одна, Марина увидела на комоде светлый прямоугольник без пыли — след от коробки с приглашениями. Кольца тоже не было. Раньше она непременно спросила бы Кирилла, куда он его дел. Теперь только провела пальцем по чистому пятну.

Чужое кольцо наконец обрело хозяйку. А Марина всё ещё не знала, найдётся ли в их жизни место для того, что оно за собой принесло.

Глава шестая. Две матери

Нина Сергеевна открыла дверь раньше, чем Марина успела позвонить второй раз. Посмотрела на дочь, на сумку, потом молча пошла ставить чайник. Они обе давно знали: если мать начинает расспрашивать с порога, разговор получается плохим.

— Поссорились?

— Немного.

— Не похоже на немного.

Нина Сергеевна держала документы в подписанных папках, запасные лампочки — в коробке на верхней полке, а таблетки — строго по срокам годности. В детстве Марине казалось, что мама умеет предусмотреть всё. Теперь она всё чаще замечала, как сильно та боялась неожиданностей.

Марина посмотрела на подписанные папки. Мать и раньше всё раскладывала по местам — даже то, о чём не умела поговорить.

Марина рассказала о Соне. Мать выслушала не перебивая, только лицо её становилось всё строже.

— Я говорила, что не надо так быстро со свадьбой, — сказала мать и тут же прикусила губу. — Прости, это сейчас было лишнее.

— Мам, пожалуйста.

— Он тайком привёл ребёнка в твою квартиру, — про-

должила она. — И всё это время лгал. Для чего тебе жить с человеком, которого надо ловить за руку?

— Ребёнок не неизвестно кто.

— Ты меня прекрасно поняла.

— Нет, не поняла. Ты ругаешь его за ложь или за то, что у него есть дочь?

Нина Сергеевна сняла очки.

— Я боюсь, что тебя опять заставят мириться с чужим выбором, — сказала мать. — Но на ребёнка я не злюсь.

— А папа тебя не ставил?

Мать побледнела.

— Вот только не надо это сюда приплетать.

— Почему? Мы ведь тоже жили после чужого выбора. Ты всё говорила, что папа ушёл к женщине с ребёнком, а мне тогда казалось, будто я сама стала ненужной. Ты хоть раз ему об этом сказала?

Нина Сергеевна долго смотрела в окно. За стеклом метель крутила мелкий снег, хотя прогноз обещал оттепель.

— Твой отец почти год жил на две семьи, — тихо сказала Нина Сергеевна. — А мне говорил, что задерживается в командировках. Когда выяснилось, что у той женщины есть мальчик, я больше всего разозлилась даже не на неё. На себя: как я могла ничего не замечать? И потом стала искать обман во всём. Даже там, где его не было.

Марина помнила утренник. Она стояла у ёлки в костюме снежинки и высматривала отца среди родителей. Вечером

мать сказала, что он задержался на работе.

— Я думала, он меня разлюбил, — призналась Марина.

— Он врал мне, и это был его выбор, — ответила мать. — Но я тоже ошибалась. Я думала: если говорить о нём поменьше, тебе будет легче. Ты ведь всё видела. Дети слышат и то, о чём взрослые шепчут за дверью.

Марина подняла глаза.

Мать впервые говорила о прошлом без злости. Не защищала себя, не оправдывала отца — просто вспоминала.

— Ты боишься снова стоять у ёлки и ждать папу, — произнесла мать. — Понимаю. Только Соня не та женщина и не тот мальчик из нашего прошлого. Кирилл перед тобой виноват, а она — нет.

— Я не знаю, смогу ли принять чужого ребёнка.

— Не обещай никому, что полюбишь её. Ты ещё даже не познакомилась. Обещай только себе не делать вид, будто простила, если не простила.

Они долго пили чай и говорили о вещах, которые Марина прежде не решалась спрашивать. Отец ещё звонил ей по праздникам, но разговаривали они коротко. И только теперь Марина подумала, что однажды, возможно, захочет поговорить с ним всерьёз — не о погоде, а о том утреннике, о пропущенных днях рождения и о том, как сильно ждала его тогда.

Дома было чисто, но не по-Мариниому: обувь Кирилл поставил ровной линией носками к двери, сковороду оставил

на плите, а со стойки пропала его кружка. Не исчезли все следы его жизни — как раз поэтому пустота ощущалась так сильно.

На столе лежала квитанция за коммунальные услуги. Кирилл всегда первым забирал её из почтового ящика, хотя платила Марина. Она знала, сколько сахара он кладёт в кофе, на каком боку спит и как ускоряет шаг, если опаздывает. А о Соне узнала из случайно выпавшего кольца.

Марина искала гирлянды, когда из-под дивана выкатилась половинка фиолетового воскового карандаша. Она подняла её, испачкав пальцы. Карандаш был заточен неровно, как будто ребёнок старался продлить ему жизнь.

Марина подняла её. На пальцах осталась цветная пыль. Обычный детский карандаш, обломанный почти до основания. Соня, наверное, рисовала им на полу, пока Кирилл пытался быстро придумать, как спрятать появление дочери от невесты.

Соня сидела здесь на полу. Пила чай из их кружки. Боялась, наверное, испачкать диван. А Кирилл в это время всё думал, успеет ли спрятать её следы до Мариниого возвращения. Эта мысль была куда больнее детского карандаша.

Карандаш Марина положила в отдельный маленький пакет вместе с заколкой. Рисунок она сфотографировала ещё в первый день; оригинал Кирилл забрал. Затем отменила примерку свадебного платья.

Администратор вежливо спросила, хочет ли она выбрать

новую дату.

— Пока нет, — ответила Марина. — Как только определюсь, я сама позвоню.

После разговора с салоном стало неожиданно легче. По крайней мере, теперь никого не нужно было убеждать, что их свадьба всё ещё идёт по расписанию.

* * *

Через два дня ей написала Катя.

«Марина, здравствуйте. Я Катя. Извините, что пишу без предупреждения: Кирилл дал мне ваш номер по моей просьбе. Хочу извиниться за ту сцену в больнице. Если не хотите встречаться, я пойму».

Марина долго смотрела на сообщение. Встретиться с Катей означало услышать версию событий, на которую она не могла повлиять. Отказаться было проще. Но вопрос, почему та молчала семь лет, не отпускал.

Они встретились в кафе у парка. Катя пришла в пуховике, который Марина узнала по больничному двору. На этот раз она выглядела не соперницей и не несчастной матерью, а уставшей женщиной, которая боится не найти нужных слов.

— Спасибо, что согласились, — сказала она и неуклюже сняла шарф. — Я не очень умею такие разговоры.

— Я тоже.

Катя заказала чай с лимоном, Марина — кофе. Пока официантка ходила к стойке, обе смотрели на стол.

— Как Соня? — спросила Марина, когда молчание стало

невыносимым.

— Уже дома. У неё иногда бывает сильная одышка при инфекции, а в тот раз быстро стало хуже. Врач сказал наблюдаться и держать лекарства под рукой. Теперь она спорит с нами, можно ли завтра в школу. Значит, идёт на поправку.

— Кирилл приезжал ночью.

— Позвонила ночью. У меня никого больше нет, кто мог бы приехать так быстро. И Соня всё время спрашивала про него. Я не думала о том, как это будет выглядеть для вас.

— Почему вы раньше не сказали ему о дочери?

Катя поднесла чашку к губам, потом поставила обратно.

— Потому что обиделась. После расставания я была уверена, что смогу всё сама. Потом узнала о беременности и решила подождать. Когда Соня родилась, я уже боялась, что Кирилл появится, начнёт решать за меня, как её растить, или вовсе снова исчезнет. Звучит некрасиво, знаю. Я пыталась защитить себя и лишила его права знать, а Соню — права спросить.

— Он мог помогать вам.

— Мог. А мог не захотеть. Или начал бы приходить, а потом перестал. Я этого боялась больше денег. Только страх — не оправдание. Теперь приходится объяснять дочери, почему я семь лет решала за двоих.

Марина удивилась этому последнему предложению. Она ожидала защиты, обвинений Кирилла, разговоров о тяжёлой женской доле. Катя ничего такого не предлагала.

— Соня знает, что вы столько лет не говорили с её отцом?

— Знает не всё. Я не хочу рассказывать ей о нашей ссоре так, будто её появление было несчастьем. — Катя потёрла большим пальцем край блюдца. — Но когда она подрастёт, мне придётся сказать честнее.

— И что изменилось?

— В школе попросили нарисовать семью. Соня сказала: «Я ведь тоже чья-то дочка, кроме твоей?» Мама умерла весной. Она давно говорила: позвони Кириллу, дай ему право решить. Я не слушала. А тут вдруг подумала, что Соня скоро сама всё узнает и спросит меня, почему я так долго молчала.

— Кирилл сначала не поверил.

— Я бы, наверное, тоже не поверила. Семь лет — слишком большой срок.

Марина провела пальцем по бумажной салфетке.

— Почему вы вернули ему кольцо?

Катя посмотрела удивлённо.

— Он рассказал и об этом?

— Да.

— Я хранила его не потому, что ждала. Просто не могла выбросить вещь, которая когда-то много значила. В тот день взяла кольцо с собой, чтобы сказать Кириллу: мы не возвращаемся в прошлое. Он не обязан быть моим мужем. А вот Соне нужен отец — если он готов за неё отвечать.

На улице мимо окна прошла женщина с коляской. Катя на секунду проводила её взглядом.

— Вы думаете, я хочу его вернуть? — спросила она.

Марина не ответила сразу.

— Я боялась этого.

— Нет. То, что мы любили друг друга восемь лет назад, не означает, что обязаны снова быть вместе. И Соня — не повод притворяться семьёй. Я хочу, чтобы Кирилл научился быть её отцом.

Обе неожиданно улыбнулись.

— Я нашла заколку, — сказала Марина. — Розовую. В виде бабочки.

— Она её с детского сада бережёт! — Катя отставила чашку. — Мама подарила. Соня два вечера искала и решила, что папа рассердится, если она попросит снова поехать к нему. Он сказал мне, что не знает, где заколка.

— Он вообще много чего не видел, — произнесла Марина.

Катя опустила руки и впервые за всё время засмеялась по-настоящему, коротко и устало.

— Это точно.

— И ещё рисунок. Там женщина в зелёном пальто. Это вы?

— Я. Она всем женщинам зелёное пальто рисует, если честно. У меня такое есть. И волосы она старательно делает рыжими, чтоб не перепутали. Вам показалось, что это вы?

— Есть.

— Ну вот, — сказала Катя. — Иногда пальто просто паль-

то.

Марина вспомнила, как всматривалась в кривые линии, пытаясь догадаться, кто появился в её жизни без приглашения. Женщина в зелёном пальто была Катей. Никакого страшного тайного знака в этом не было.

— Я столько всего про вас воображала, — сказала Марина. — А теперь даже неудобно.

Катя усмехнулась без радости.

— Я с вами хотя бы теперь разговариваю. Семь лет назад даже на это не хватило смелости.

— Я не прошу вас дружить с Соней, — сказала Катя. — И не хочу, чтобы она знакомилась с вами потому, что нам, взрослым, нужно срочно всё исправить. У неё и так многое меняется.

— И вы не думайте, что я сейчас пообещаю быть ей второй мамой.

— Я не думаю.

Когда они вышли на улицу, снег перестал. Катя застегнула пуховик под самый подбородок и протянула Марине руку.

— Спасибо, что пришли.

Марина пожала её. Рука оказалась сухой и холодной.

— Вы ей скажите, что заколка найдена, — произнесла она.

Катя посмотрела на неё внимательно.

— Скажу.

Марина дошла до машины и не сразу села. Катя ещё стояла возле входа, кутаясь в пуховик. Марина подняла руку в

коротком прощании; женщина ответила тем же жестом. Потом обе повернулись к своим машинам.

Глава седьмая. Не для чужих

Во второй раз Марина поехала в Ольховку не за предсказанием. Она хотела убедиться, что не придумала слова о красных варежках. А ещё — спросить, почему баба Тася ничего не сказала ей о ребёнке, хотя, похоже, могла увидеть больше.

Марина всю жизнь считала, что мир устроен довольно просто. У всякой неожиданности рано или поздно находится причина. Двери скрипят от сквозняка, вещи пропадают потому, что их кто-то переложил, а люди делают больно не из-за заклятий, а потому, что боятся, жадничают, ошибаются.

После первой поездки мир не перестал быть понятным. Скрипучие двери по-прежнему требовали смазки, ложь оставалась ложью, а чужая семья не возникала из воздуха от прикосновения к запястью. Но теперь Марина знала: иногда человек может увидеть то, чего не видел глазами.

У синей калитки стояла Валентина с пакетом сахара.

— Опять к Тасе? — спросила Валентина у калитки. В руках у неё был пакет сахара. — Проходи, сегодня она дома. И дверь за собой закрывай. Кошку вчера до полночи с соседской крыши снимали.

— Я на минуту.

— Все так говорят. А потом как начнут жизнь свою рассказывать — и ужин остынет.

Валентина первая вошла во двор и застучала в дверь.

— Тась! Сахар принесла! И девушку твою нашла!

Из глубины дома донеслось:

— Она не моя. Я себе ещё одну дочь не заказывала!

Марина улыбнулась прежде, чем успела удержаться.

На кухне баба Тася перебирала фасоль. Под зёрнами шуршала газета. Старушка отодвигала треснувшие бобы в сторону так старательно, будто за каждую ошибку с неё собирались спросить поштучно.

— Садись, раз приехала, — сказала она. — Но фасоль мне не мешай. Руки у тебя быстрые, вон как телефон крутишь, да только ты невнимательная. Всё в одну кучку сгребёшь.

Валентина оставила сахар, получила распоряжение не забыть вернуть банку из-под солений и ушла, пообещав заглянуть вечером. Марина дождалась, пока калитка хлопнет.

— Вы всё знали, — сказала она.

— Чего всё?

— Про девочку. Про остановку. Про красные варежки.

Баба Тася отложила две фасолины.

— Видела кусок, — ответила баба Тася. — А ты теперь считаешь, будто мне вся история была известна. Чужие мысли и картинки не складываются в книгу с готовым концом.

— Вы могли сразу сказать, что у Кирилла дочь.

— Не могла. Когда ты приехала, я даже лица его не видела. И женщины той толком не разглядела. Ты сама теперь приписываешь мне больше, чем я сказала.

Марина хотела возразить, но вспомнила: действительно, старушка не утверждала, что мужчина на остановке — Кирилл. Она только описала сцену. Всё остальное Марина додумала позже.

— Тогда что это у вас? Телепатия?

— Как хочешь называй. Иногда чужое слово слышу, иногда вижу место, где никогда не была. А иногда соседка теряет очки, и я вместе с ней полдня шарю по дому. Нашли возле масла в холодильнике. Хорошо ещё, не в морозилке.

— А как вы понимаете, что видите правду?

— Проверять. Если есть возможность — проверять, — ответила баба Тася. — Когда не проверишь, лучше не говорить человеку такого, от чего у него жизнь перевернётся.

Это было куда менее утешительно, чем хотелось Марине. Она ожидала, что обладательница дара хотя бы понимает его устройство.

— Я поговорила с ними обоими, — сказала она. — С Кириллом и с Катей. Всё сходится. Дочь настоящая. Кольцо старое. Другой женщины у него нет.

— И ты успокоилась?

— Нет.

— Значит, дело не в другой женщине.

Марина смотрела на фасоль.

— Мне страшно, что я никогда не буду у него на первом месте, — призналась Марина. — И одновременно страшно представить, что меня поставят туда ценой ребёнка. А ещё я

злюсь, что он меня за дуру держал. Всё сразу.

Баба Тася пододвинула к ней газету.

— Выбери белые, в эту миску складывай. А то весь день просидим.

Марина подчинилась. Зёрна были гладкими и холодными, среди светлых попадались треснувшие, с тёмными прожилками. Минуту они работали молча.

— Девочке мать не замещай. У неё мать есть. Спроси себя о другом: ты хочешь быть рядом с Кириллом таким, какой он теперь? С ребёнком, с ошибками и с необходимостью учиться говорить правду? А не только с тем человеком, которого любила до находки в кармане.

— А если не смогу?

— Не сможешь — скажешь честно. Хуже, когда из жалости соглашаются, а потом каждый день вспоминают, чем пожертвовали. Ребёнку такие подарки не нужны.

За окном ветер качнул голую ветку яблони. На подоконнике вдруг загремела крышка от жестяной банки. Марина вздрогнула.

— Примета, наверное? — спросила она, глядя на крышку.

— Примета, что форточку закрывать надо, — ответила баба Тася. — А то сами нараспашку оставляют, потом пугаются, что по ночам стучит.

Она поднялась, прикрыла раму и вернулась к столу.

— Но приметы вы знаете? — не удержалась Марина.

— Знаю. Моя бабка через порог ничего не передавала

и хлеб перевёрнутым на стол не клала. А если предстояло трудное решение, давала нитку и велела три узелка сделать. Не на удачу — на память: не смешивай страхи с фактами.

Из корзинки под столом баба Тася достала короткий отрезок синей нити.

— Только не думай, что это оберег от чужой глупости. От неё и свечи не спасают.

Она завязала узелок.

— Первое: чего ты боишься. Не «он поступил», а чего ты сама боишься.

Марина подумала.

— Что он меня оставит.

Второй узелок баба Тася затянула туже.

— Второе: что ты точно знаешь.

— Он солгал. И у него есть дочь.

— Он солгал мне. У него есть дочь. И он всё-таки пришёл и рассказал, хотя поздно.

Марина долго молчала.

— Сможем ли мы жить с этим дальше.

Баба Тася протянула нитку.

— Вот и не делай из трёх разных вещей одну, — заключила баба Тася. — Страх, факт и то, что ещё не случилось, в одну миску не складывают. Фасоль потом не переберёшь.

Марина взяла нитку. Узлы были маленькие, кривоватые, совсем не похожие на волшебный оберег. Она машинально намотала её на палец и вдруг ощутила, что готова распла-

каться.

— Я ведь его люблю, — сказала она.

— Верю. Только одной любовью суп не сваришь и общую жизнь не построишь. Там ещё честность понадобится. А иногда и терпение.

— Вы сами когда-нибудь боялись признаться, что ошиблись? — спросила Марина.

Рука старушки замерла над фасолью.

— Боялась. И за страх пришлось платить не мне одной. — Баба Тася неожиданно резко завязала газету с перебранной фасолью. — Хватит на сегодня. Чужих бед мне не надо, когда свою ещё не поправила.

Марина не спросила. Она помогла закончить фасоль, выпила чай и ушла, чувствуя в кармане куртки три маленьких узелка.

У двери баба Тася остановила её:

— Марина. Видение — это не приказ. Что бы тебе ни говорили люди вроде меня, последствия жить тебе.

— А если вы всё-таки правы?

— Тогда тоже тебе. Вот почему я теперь осторожничаю.

Марина ехала обратно с ниткой в кармане и без готового решения. Странно, но это не пугало её так сильно, как прежде. Решение наконец принадлежало ей.

* * *

В пятницу Марина впервые сама позвонила Кириллу.

Он ответил после первого гудка.

— Привет.

— Привет. Ты занят?

— Нет. То есть сейчас могу говорить. Соня у Кати, я после работы.

Марина прислонилась к кухонной стойке. Эта фраза — «Соня у Кати» — была новой частью его жизни, и ей требовалось время, чтобы перестать вздрагивать, когда слышала имя.

— Я хочу кое о чём спросить. Только не отвечай сразу, подумай.

— Хорошо.

— Если бы я не нашла кольцо, ты бы рассказал мне до свадьбы?

На другом конце воцарилась тишина.

— Не знаю, — ответил Кирилл. — Я правда не знаю. Наверное, находил бы ещё один повод отложить.

Марина закрыла глаза. Ей было больно слышать это — и хуже всего, что на этот раз Кирилл ничего не приукрашивал.

— Всё время говорил себе: вот тест придёт, вот с Соней разберёмся, вот после свадьбы будет подходящий момент. А потом понял, что жду не момента. Жду, когда тебе будет труднее уйти. Это очень стыдно говорить, Марин, но так было.

— Да. Ужасно.

— Я знаю.

Она сидела на высоком табурете, глядя на снег за окном.

Кирилл не торопил её.

— Я ещё должен извиниться перед Соней, — сказал Кирилл. — Она до сих пор спрашивает, что сделала не так в тот день, когда мы были у тебя. Я хотел бы ей объяснить, что дело не в ней. Не думаю, что один разговор поможет, но начать надо.

— Что ты будешь делать?

— С Катей мы договорились, как будем оформлять отцовство и помогать Соне. Я снял небольшую квартиру недалеко от её школы. Не хочу снова обещать что-то, чего пока не умею. Хочу сначала научиться регулярно быть рядом. Даже если мы с тобой не помиримся.

Марина провела пальцем по синей нитке.

— Это правильно.

— Я хотел бы увидеть тебя, — сказал он. — Просто поужинать. Не говорить про свадьбу, если не захочешь. Если пока рано — понимаю.

— Хочу, — сказала она, прежде чем успела испугаться собственного ответа. — Только сегодня не могу. Давай завтра.

Кирилл тихо выдохнул.

— Давай.

Утром Марина переложила заколку в прозрачную коробочку, чтобы не потерять. Она ещё не знала, когда увидит Соню. Но вещь была чужая, и вернуть её хотелось независимо от того, чем закончится их разговор с Кириллом.

Глава восьмая. Свои места

Они встретились в кафе, где иногда завтракали по субботам. Марина приехала первой и заняла столик не у окна, как обычно, а возле стены. За соседним столом пара обсуждала ремонт детской. Она отвернулась к меню: за последние недели дети словно появились повсюду.

Кирилл вошёл без пяти двенадцать. Увидел её, на мгновение улыбнулся, но не наклонился для привычного поцелуя. Повесил куртку на стул и спросил, не дует ли ей от окна. Марина покачала головой.

— Привет.

— Привет.

Он сел напротив. Они заказали кофе и два сырника. В другой день Марина могла бы пошутить, что Кирилл изменил своим принципам: он считал сырники едой для людей, которые недостаточно ценят колбасу. Теперь смешить его было трудно.

— Я поговорил с рестораном, — начал Кирилл. — Бронь сняли. Часть предоплаты вернут. Фотограф готов сохранить деньги за нами до февраля, если решим назначить дату. Не хочу, чтобы тебе пришлось одной объясняться и разбираться с расходами.

— Мы платили вместе. Разберёмся потом.

— Не пытайся всё исправить деньгами и звонками, — ска-

зала Марина, но без прежней злости. — Просто делай свою часть. С остальным разберёмся вместе, если сможем.

Марина посмотрела в окно. Там женщина везла санки по почти голому асфальту, а мальчик на санках торжественно держал над головой пластиковую лопату.

— Как Соня?

Кирилл поднял голову.

— Хорошо. Вернулась в школу. Вчера получила пятёрку по окружающему миру и потребовала пиццу в награду. Катя сказала, что за каждую пятёрку пиццу покупать не будет.

Он улыбнулся. Марина тоже.

— Это разумно.

— Я всё время хочу купить ей что-нибудь. Понимаю, что пицца и подарки не заменят семь лет. Но когда она говорит «папа», мне хочется немедленно всё ей дать.

— Ты не откупишься от семи лет пиццей.

— Знаю.

Они говорили о работе и машине, которая опять плохо заводилась. Разговор то начинал идти легко, то обрывался. Марина несколько раз чуть не спросила, собирается ли он на Новый год к Соне, но решила: этот разговор никуда не денется, если она не устроит его сегодня между кофе и сырниками.

Уходя, Кирилл спросил:

— Можно я тебя провожу?

— До машины.

На улице они остановились рядом с припаркованным автомобилем. Кирилл сунул руки в карманы.

— Я не прошу тебя принять решение сейчас. Мне просто хотелось, чтобы ты знала: я не собираюсь исчезать, даже если свадьбы не будет.

Марина долго смотрела на него.

— Ты можешь пообещать, что больше никогда мне не соврёшь? — спросила Марина. Произнося это, она сама услышала, насколько невыполнимого просит.

Кирилл покачал головой.

— После всего, что было, моё «никогда» ничего не стоит. Могу пообещать, что если испугаюсь, сначала скажу тебе, чего боюсь. А не начну снова прятать вещи по ящикам.

— Это уже что-то.

Она не поцеловала его на прощание. Но не отняла руку, когда он коснулся её ладони. Это была не награда за хорошее поведение, а маленькая уступка собственному желанию.

* * *

На следующей неделе случилось то, чего Марина не планировала.

Она забежала в книжный магазин у парка за подарком племяннику Лены и увидела Кирилла рядом с девочкой.

Девочка стояла у стеллажа с энциклопедиями и очень серьёзно рассматривала книгу о космосе. Светлые волосы были заплетены в две косички, на одной торчала резинка с красной бусиной. Рядом, присев на корточки, Кирилл пока-

зывал ей страницу с фотографией Сатурна.

Марина узнала его раньше, чем ребёнка. По тому, как он слегка хмурился, когда пытался что-нибудь объяснить. По привычке держать большой палец между страницами, чтобы книга не захлопнулась.

Соня обернулась. Веснушки на носу, светлые косички, щербинка между передними зубами. Никакой сказочной похожести на отца, которую Марина себе представляла. Обыкновенная девочка, сосредоточенная и немного растрёпанная после школы.

Кирилл поднял глаза и тоже увидел Марину. Он встал.

— Привет. Мы тут книгу выбираем.

— Я вижу.

Соня посмотрела на отца, потом на Марину.

— А это кто?

Кирилл присел рядом с дочерью.

— Это Марина. Я тебе рассказывал. Помнишь?

Соня кивнула, продолжая разглядывать её.

— Ты у папы на фотографии? — спросила она.

Марина ощутила неприятную слабость в коленях. К этой встрече она готовилась мысленно множество раз, а теперь не знала, куда деть руки.

— Да, это я.

— У тебя там волосы длиннее.

— Я недавно подстриглась.

— А зачем?

— Так удобнее.

Соня обдумала ответ.

— Мама говорит, мне тоже удобно будет с короткими, но я не хочу. Хочу, как у русалки.

— У русалок хорошие волосы, — согласилась Марина.

Кирилл смотрел на них с такой надеждой, что Марина едва не рассердилась. Не надо, мысленно сказала она. Не превращай этот разговор в экзамен, который мы с Соней обязаны сдать.

Соня сама вернулась к книге.

— Тут написано, что у Сатурна колец много. Они из льда. А у Земли нет.

— Я видела, — сказала Марина. — Красиво.

— А они когда-нибудь растают? — спросила Соня.

— Не знаю, — ответила Марина. — Может, и растают. Они ведь изо льда.

— А в космосе холодно, — возразила Соня и снова уткнулась в страницу.

Соня задумалась. Кирилл тихо спросил:

— Тебе пора?

Марина уже собиралась попрощаться, когда нащупала в сумке маленькую коробочку. Она носила её с собой две недели. Вначале боялась случайно потерять, потом — что сама решит её не отдавать.

— Соня, — сказала она. — Я, кажется, нашла одну твою вещь.

Она достала прозрачную коробочку и открыла крышку. Розовая бабочка лежала на кусочке мягкой салфетки.

Девочка даже подпрыгнула.

— Моя! Она у тебя была?

— Оказалась у меня дома. Я её сохранила.

Соня осторожно взяла заколку, провела пальцем по облупившемуся крылышку.

— Бабушка подарила, — сказала она и аккуратно прицепила бабочку к косичке. — Она умерла, а заколка осталась. Мама говорила, можно новую купить, но это же не то.

— Поэтому ты её любишь?

— Угу. Мама говорила, что надо новую купить, а я эту хочу. — Соня неожиданно посмотрела на Кирилла. — Пап, а я тогда ничего не сломала? Когда мы чай пили?

Кирилл побледнел.

— Конечно нет. Почему ты спрашиваешь?

— Ты тогда сказал, что надо быстро уходить. И рисунок мой забрал. Я подумала, что нельзя было его рисовать.

У Марины сжалось горло. Именно так когда-то и она объясняла себе чужие ссоры: если бы не задавала вопросов, папа, может быть, не торопился бы уйти.

Кирилл присел рядом с девочкой, чтобы смотреть ей прямо в глаза.

— Соня, послушай. Ты ничего плохого не сделала. Я должен был спросить Марину, можно ли нам прийти, а я не спросил. Потом испугался говорить правду. Это была моя

ошибка, не твоя. Рисунок мне очень понравился. Я хотел бы его повесить у себя.

Девочка нахмурилась.

— А Марина сердится?

Он поднял глаза. Марина ответила сама:

— Я сердилась на папу. Но на тебя — нет.

— Совсем?

— На тебя я не сержусь, — ответила Марина. — И за рисунок тоже. Его было очень приятно найти, только я сначала ничего не поняла.

Соня некоторое время обдумывала это с тем же серьёзным видом, с каким рассматривала планеты.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда можно я ещё раз приду, когда вы договоритесь? У вас печенье с шоколадом вкусное.

Марина растерялась. Кирилл уже собирался что-то сказать, но она опередила его:

— Пока не знаю. Это взрослым надо сначала договориться. Если договоримся, обязательно скажем тебе заранее.

— Ладно.

Девочка приняла ответ без трагедии, сунула коробочку в карман куртки и снова открыла энциклопедию. В её мире прямо сейчас гораздо важнее были кольца Сатурна.

Марина попрощалась и вышла из магазина.

Уже за углом Марина остановилась, потому что стало трудно дышать. Никакой внезапной материнской нежности

она не почувствовала. Ей и в голову не пришло предложить провести с Соней выходные. Зато девочка перестала быть чужой страшной новостью. У неё были любимая заколка, интерес к планетам и ужас перед мыслью, что она испортила чью-то жизнь.

Марина достала телефон и написала Кириллу: «Спасибо, что сказал ей правду. Так и нужно было с самого начала».

Ответ пришёл не сразу.

«Я пытаюсь научиться», — ответил Кирилл. Марина сохранила сообщение. Не как обещание, которому обязательно поверит, а как напоминание, что он хотя бы начал говорить своими словами.

* * *

Вечером Марина разложила на столе свадебные приглашения. Некоторые уже ушли родственникам. Придётся отвечать на вопросы, возвращать деньги, переносить бронь и выдерживать чужую жалость, которой никто не просил. Она достала список гостей, взяла ручку и начала звонить по порядку.

Первой набрала мать.

— Мам, мы не расстались, — сказала она после приветствия. — Но свадьбу переносим. Нет, другой даты пока нет. Да, я понимаю, что тётя Зина уже купила платье.

Нина Сергеевна вздохнула.

— А ты сама чего хочешь?

Марина посмотрела на чистый лист, который положила

рядом со списком.

— Не пытаться вернуть всё как было. Мне нужно увидеть, умеем ли мы теперь разговаривать честно. И понять, смогу ли я жить рядом с его дочерью, не притворяясь.

Мать помолчала.

— Тогда правильно делаешь.

Затем она позвонила Лене. Потом Кириллу — решить, кто сообщит родственникам о переносе свадьбы. Они начали со списка гостей. На третьем имени Кирилл спросил, не хочет ли она, чтобы он взял разговор на себя. Марина ответила, что вдвоём будет проще.

Когда они закончили обсуждать практические вещи, он спросил:

— Ты хочешь, чтобы я приехал в воскресенье? Сходим куда-нибудь. Вдвоём.

Марина улыбнулась, хотя он не мог этого увидеть.

— Хочу. Только не привози опять булочки. Я после тебя ещё три дня их доедала.

Кирилл тихо засмеялся. Прежний, знакомый смех на мгновение заполнил кухню.

— Хорошо. Привезу колбасу.

— Не смей.

Она не сказала, что простила Кирилла. В воскресенье ей просто хотелось пойти с ним гулять. Она открыла календарь в телефоне и оставила этот день свободным.

Перед сном Марина нашла синюю нитку с тремя узелками

и положила в ящик рядом с фотографией из поездки к морю. Там она и Кирилл щурились от ветра и обнимались, не подозревая, что существует девочка по имени Соня, которой однажды придётся выбирать, можно ли доверять только что найденному отцу.

Марина закрыла ящик. Узлы не могли гарантировать ей будущее. Но она хотя бы научилась различать то, что знает, то, чего боится, и то, что ещё предстоит прожить.

* * *

В Ольховке баба Тася уже закрывала ставню, когда в дверь постучали. Валентина принесла банку малинового варенья.

— Чего с девушкой-то? — спросила соседка, едва переступив порог. — Помогла?

— Она сама разберётся.

— Опять твои загадки. Ну хоть поругалась с мужиком?

— И поругалась, и поговорила. Всё как у людей.

Валентина сняла платок, прошла на кухню и заметила на столе небольшую стопку писем, перевязанную бечёвкой.

— Что за письма? — спросила Валентина.

Баба Тася быстро накрыла письма газетой.

— Старые.

— Я вижу, что не завтрашние. От Гали, что ли?

Старушка застыла. Тиканье часов вдруг стало слышно слишком отчётливо.

— Варенье в буфет поставь, — сказала она. — А то опять забудешь и домой унесёшь.

Валентина ничего больше не спросила.

Когда соседка ушла, баба Тася сняла газету и развязала бечёвку. На верхнем конверте неровной рукой было написано её имя. Ни адреса, ни марки: кто-то передал письмо прямо в руки.

Она долго держала письмо, потом убрала обратно.

Кошка спрыгнула с подоконника. Баба Тася машинально погладила её и ещё раз посмотрела на конверт.

— Чужому-то легко сказать: не бойся правды, — проговорила она. — А свою всё отодвигаю.

Она убрала письмо в ящик стола, но не заперла его. За окном снег уже прикрыл следы у синей калитки. «Завтра отвечу», — решила баба Тася. Потянулась к чайнику и осеклась: то же самое она говорила себе неделю назад.

ТРИ СТУКА

Глава первая. Дом на продажу

Первый стук раздался в девять вечера.

Николай стоял на кухне, упираясь полотенцем в крышку банки с огурцами. Крышка не поддавалась. Он уже поднял банку к глазам, проверяя, не перекосилась ли резьба, когда за стеной отчётливо постучали три раза.

Тук. Тук. Тук.

Он поставил банку на стол и прислушался.

Дом замолчал. Под полом щёлкнула труба, за окном мокрый снег прилип к ветке яблони. Николай заглянул в маленькую комнату. Узкая кровать под серым покрывалом, швейная машинка «Чайка», на спинке стула — материн кардиган, будто она сняла его час назад. Никого.

Он постучал по стене костяшками пальцев. Глухой, рыхлый звук. Не похожий на тот, что слышался с кухни.

— Мыши, — сказал Николай. В собственном голосе ему послышалось сомнение.

И вернулся к огурцам.

В Ольховку он приехал утром. Соседка Мария Ивановна вынесла ему ключи, завернутые в носовой платок, и долго извинялась, что не смогла дождаться его приезда вчера.

— Я б вчера ключи отдала, да ноги совсем не те, — сказала соседка. — Вера до последнего никому хлопот не хотела доставлять. Вот ещё тетрадка, там про электричество записано. Сам разберёшься.

После похорон прошло девять дней. Николай на них не успел: задержали поезд, сел телефон, на подъезде к Ольховке такси долго ползло по гололёду. Когда он добрался до кладбища, люди уже расходились. Сквозь мелкий дождь он увидел венки, свежую землю и Марию Ивановну, которая помахала ему рукой. Он остановился у калитки и так и не подошёл к могиле. Теперь у него находилось по десятку причин объяснить каждый час опоздания. Причины не помогали.

Вера Михайловна умерла в районной больнице. Семьдесят четыре года. Инсульт. Врач сказал, что сделали всё возможное. Николай попросил повторить, потом ещё раз: ему почему-то казалось, что между этими словами должно прозвучать что-то другое.

В дом он входил в последний раз десять лет назад.

Он узнал всё: зелёные полочки, подставку для горячего с обгоревшим углом, пластмассовых петухов на карнизе. На стене висел календарь, открытый на ноябре, хотя уже шёл декабрь. Пахло сушёной мятой и яблоками из подпола. Николаю стало досадно на дом за то, что тот ничем не показал, как много времени прошло.

Николай открыл окна, впустил холод, а затем составил список дел на обороте чека: холодильник, бумаги, оценщик,

риелтор. Машину он брал в кредит; продажа дома помогла бы закрыть остаток долга и отказаться от лишних смен. Он задержал ручку над последним пунктом и приписал: «Фотографии Даше».

Про кредит думать было стыдно. Но мысль о том, чтобы задержаться здесь дольше необходимого, пугала его сильнее.

После обеда Николай позвонил дочери.

— Даш, привет.

— Привет, пап.

Даша ответила ровным голосом, каким обычно разговаривала с диспетчером доставки.

— Я в Ольховке. Дом разбираю.

— Я поняла.

— Хотел узнать, нет ли у тебя чего бабушкиного. Ну, что забрать на память. Фотоальбомы, может.

Пауза затянулась.

— Ты правда сейчас спрашиваешь, что мне оставить от бабушки? — Даша помолчала. — Ладно. Не выбрасывай пока ничего бумажного. И найди синюю шкатулку.

Николай нахмурился.

— Какую шкатулку?

— С розой на крышке. Она в ней пуговицы держала. Если найдёшь, привези мне, пожалуйста. И не выбрасывай пока письма.

— Какие письма?

— Не знаю. Любые.

Даша торопилась на работу. Николай убрал телефон, не успев спросить, почему она обиделась. Впрочем, он уже догадывался. Девять месяцев они разговаривали коротко и исключительно по делу.

В марте Даша объявила, что уходит с экономического факультета и поступает учиться реставрации. Николай узнал об этом последним. За семейным ужином он спросил, кто ей внушил такую глупость, и напомнил про коммунальные счета. Даша поставила вилку и сказала, что за квартиру платит сама. Ей хотелось услышать хотя бы один вопрос о том, почему она выбрала реставрацию.

Николай вместо вопроса привёл ещё три довода. Даша до десерта не досидела.

В тот вечер он считал, что поступил как отец и должен был предупредить её. Сейчас не мог вспомнить, спрашивал ли вообще, чем она собирается заниматься после учёбы.

Николай положил найденную школьную фотографию Даши на подоконник, чтобы не потерять среди бумаг. Раньше он сердился, что дочь всё принимает слишком близко к сердцу. Теперь вспомнил, как она сидела за столом с зажатой между пальцами салфеткой и пыталась ему что-то объяснить.

К шести часам он выбросил испорченные продукты, нашёл квитанции за отопление, отсортировал счета и сложил одежду в два больших мешка. Но к материному кардигану в маленькой комнате не притронулся. Тот висел на стуле со-

вершенно по-хозяйски, будто она ушла за хлебом.

На банке с огурцами белым маркером было написано: «Коле». Август нынешнего года. Николай поддел крышку ногтем, снова поставил банку и некоторое время разглядывал эти четыре буквы.

Он не приезжал десять лет. Мать всё равно оставляла ему огурцы. Может, делала это по привычке, подумал он. Или для того, чтобы после открыть банку самой и ничего себе не объяснять.

Около девяти Николай разогрел суп, который Мария Ивановна принесла в контейнере. Открыл ноутбук, отправил риелтору фотографии фасада. А после услышал три стука.

Ночью он несколько раз просыпался. По крыше шуршал снег, труба потрескивала, за стеной, где раньше была детская, стояла полная тишина. Николай удивился, что теперь ждёт стука.

Под утро ему приснилась узкая кровать. В коридоре не горел свет, за окном кто-то тяжело дышал. Маленький Коля стучал кулаком по стене — раз, другой — и ждал. Ему казалось, сейчас обязательно ответят. Но дом молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.